

А.Е. Пресняков

**Лекции по русской истории.
Том 2**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А.Е. Пресняков
А11 Лекции по русской истории. Том 2 / А.Е. Пресняков – М.: Книга по Требованию, 2021. – 247 с.

ISBN 978-5-458-52270-0

Вторая часть лекционного курса А. Е. Преснякова, посвященная истории западной Руси и Литовско-Русского государства до XVI в., представляет большой интерес как в силу ограниченности нашей литературы по этому разделу истории, так и по свежести постановки ряда вопросов в публикуемом курсе. Особой заслугой автора надо считать выделение вопроса о русских землях в составе Литовско-Русского государства и непосредственное изучение исторических судеб последних. В частности автор совершенно правильно подчеркивает многоплеменный состав великого княжества Литовского и в дальнейшем Речи Посполитой и непреодолимую до конца внутреннюю разобщенность отдельных земель, входивших в их состав, исключавшую возможность их действительного превращения в единое централизованное государство. Под углом зрения феодальной раздробленности дан интересный анализ политического строя Литовско-Русского государства и рассмотрен последовательный ход его истории до Люблинской унии 1569 г.

ISBN 978-5-458-52270-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ГЛАВА I ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Исторический период русской жизни с XIII по XVI в. резко выделяется уже внешними особенностями своими сравнительно с предшествующими временами киевской Руси и последующим периодом подготовки и создания Российской империи. Выделяет его как территориальная база, на которой развертываются исторические судьбы населения Восточноевропейской равнины, так и самые условия политической, социально-экономической и культурной жизни этого населения.

Древняя Русь центром имела Киев и главными, руководящими интересами своими ориентировалась к Черному морю. С юга черпала она элементы духовной культуры и материального богатства, с юга постигали ее наиболее тяжелые бедствия — удары кочевой степи, борьба с которой поглощала огромные запасы древнерусской силы. Тяга к югу с его яркой, богатой природой, с его высоко развитыми старыми культурами — органическая черта ранних периодов истории всего славянского мира, столь же характерная как для древней Киевщины, так и для всей средневековой Европы. Но с середины XII в. картина начинает меняться. Все больше и больше засоряются южные пути сношений с культурными странами. Половецкая сила, отодвинутая было во времена Мономаха и старшего Мономахича, Мстислава, за Дон, снова напирает на южное Поднепровье, подтачивая самые корни киевского богатства и киевского политического значения. Жизнь отливает от старого центра. Торговые сношения Средней Европы с Византией, шедшие в старину через Киев, ищут новых, более безопасных путей, уклоняясь ближе к западу, через Львов на юг, минуя Поднепровье. На Новгород с конца XII в. выходят ганзейские пути. Киев из центра становится боевым форпостом южной Руси, постепенно слабеющим, чтобы пасть окончательно в 40-х годах XIII в. под ударами татарской орды.

Постепенно отливает от Киева и политическая жизнь русская. За первую половину XII в. поднялись новые значительные силы, которые могли обойтись без Киева, почти не считаться с ним. Рядом с Полоцким княжеством, которое жило своей особой жизнью с первого появления своего на исторической сцене, становятся столь же самобытными, обособленными далекая Суздальщина

Юрия Долгорукого и Андрея Боголюбского, с одной стороны, и червенские города — будущая Галичина — с другой.

Пока полным ходом шла историческая жизнь в Поднепровье под главенством Киева, названные области были окраинами с небольшим значением и влиянием в общей системе русских земель-волостей Киевского государства. Иная роль выпала им на долю, когда силы и условия, подтачивавшие благосостояние и мощь Киевщины, разрушили основы этой системы. Именно Суздальской, Галицкой, Полоцкой землям да обособленной в своем укладе, тоже окраинной, земле Новгородско-Псковской привелось приобрести наибольшее значение в исторической жизни народа русского после падения Киева.

Это возвышение прежних окраин за счет старого центра было вызвано и сопровождалось крупными передвижениями населения и рядом явлений глубокой важности в культурно-этнографическом складе восточного славянства.

„История нашего народа начинается, — скажем словами А. А. Шахматова, — с поспешного отступления к северу под напором степных кочевников“. На заре русской исторической жизни восточное славянство широко раскинулось в своем колонизационном движении от Поднепровья на юго-восток до Донского бассейна и далекой Тмутаракани. Напор новых и новых кочевых орд, пришельцев из Азии — печенегов, торков, половцев, постепенно сдвинул пределы расселения славян к северу и западу от черноморских степей, замкнул их в лесной полосе Восточноевропейской равнины. Нашествие татар закончило и усилило этот процесс, наблюдающийся уже в XII в., сделав надолго невозможной борьбу за обладание южными землями. Сдвинутому с занятых было мест русскому славянству пришлось сосредоточиться и плотнее осесть в Поднепровье и на восток от него, в бассейне Оки, верхней и средней Волги, и к северу, к северо-западу от этой полосы.

Так после ряда колебаний, какими полна история Киевской Руси, определилась географическая граница оседлости русских племен, граница вынужденная, искусственная, но продержавшаяся в течение ряда веков, пока сложившиеся и окрепшие сперва Литовское, позднее Московское государства не начали заново движение к югу, к Черному морю. Только огромному государству нового времени — Русской империи — удалось разрешить задачу, поставленную киевской историей, овладеть южнорусскими степями и создать мирную, прочную границу на юге.

Вынужденное отступление от юго-востока и юга в западные и северные области Восточноевропейской равнины привело к упадку центрального значения Киева. Более того, оно уничтожило прежнюю традиционную для древней Руси ориентировку всех интересов, всей полигической, экономической и культурной жизни в одном определенном направлении. Общественная и политическая жизнь русская дробится по местным центрам, замыкается в отдельных областях, живущих каждая своей особой жизнью. Общего центра русской жизни нет для этого периода. И такая децентрали-

зация исторического процесса, создавая значительные различия в политических и культурно-исторических условиях для отдельных ветвей русского племени, привела к образованию трех крупных народностей — великорусской, белорусской и украинской. Диалектические особенности говора, бытовые и психические отличия в населении различных областей древней Руси скристаллизовались в рассматриваемый период, развились и окрепли, сложившись под влиянием исторических условий в три определенно выраженных типа русской народности.

Их образование неотделимо от тех исторических процессов, которые привели к организации таких политических единиц, как северо-восточная, владимиро-суздальская, система княжений, из которой выросло Московское государство; как великое княжество Литовское, созданное неславянской народностью, однако на территориальной, этнографической и культурной основе белорусской; наконец, как Галицко-Волынское княжество, это южнорусское государство, которое после бурной и блестящей, но кратковременной истории распалось, оставив, однако, по себе живую традицию в общественно-политической особенности, какой южнорусские земли пользовались в составе Литовского государства и Польского королевства.

Не менее глубоки и значительны внутренние отличия в общественном и политическом быту XIII и следующих веков сравнительно с предыдущим, киевским, периодом. Отличия эти столь крупны, что наша историография лишь в последнее время трудами современных нам ученых стала улавливать и устанавливать нити непрерывной эволюции, связывающей позднейшую историческую жизнь с явлениями древнерусского общественного быта.

Прежде всего бросается в глаза упадок политического значения городских общин. Само по себе это явление старше татарского нашествия и может быть отмечено во второй половине XII и начале XIII в. Но несомненно, что татарская буря нанесла окончательный удар старому строю городского политического быта. С XIII в. вечевого город — эта древнерусская полития — уступает место земле как политической единице иного склада и типа. Лишь медленно оправляются города от грозных бедствий XIII в., разрушивших торговлю, но и позднее они никогда не достигают того значения, какое имели в старину. И тут, конечно, особняком стоят Новгород и Псков, развившие свое народоправство на старой основе.

Другое крупное новшество, также развивающееся еще в XII в., но особенно резко выступающее в самом его конце и в начале XIII в., это — значительное усиление княжеской власти. Это было, естественно, вызвано теми условиями политического и общественного быта, какие сложились в смутное время упомянутых массовых передвижений населения, искавшего новых, более спокойных мест, уходя с невыносимо бурной и тревожной южной окраины. Явления внутренней колонизации, более плотного заселения издавна занятой территории, усиленная распашка повин, корчевание и выжигание леса, развитие в нетронутых пушках лесных промыс-

лов — бортничества, звероловства — характерная черта всего того периода, о котором идет речь. Экономическая жизнь русская, замкнутая внешними условиями в определенных границах, с прекращением колонизационной расплывчатости расселения восточного славянства пошла в глубь занятой территории. Это выразилось в создании ряда новых и новых поселков и починков, лесных путей и ухажав, в возникновении новых сел и городов. И тут татарский погром, обрушившийся почти исключительно на города, ускорил и усилил упадок значения города — торгового пункта в русском быту, сопровождающийся подъемом значения сельской жизни и деятельности, земледельческого и промыслового хозяйства.

Эти новые условия экономического быта необходимо иметь в виду, чтобы понять заметные изменения в общем укладе социального и политического быта. Ближайшим их последствием было значительное усиление властной и руководящей в народном быту роли крупного землевладения и княжеской власти. Эти силы — князь и боярство — берут в свои руки организацию народного труда в новых условиях. Тип князя-хозяина, князя-устроителя своих владений, князя-колонизатора и строителя городов — наиболее характерная фигура нашего исторического периода. Обычная традиция нашей историографии относит этот тип почти исключительно к северо-восточной Руси. Но работа Романа Мстиславича на Волыни, интенсивная организационная деятельность его сына Даниила, знаменитого короля галицкого, особенно ярко развернувшаяся после татарского лихолетья, когда пришлось строить города и собирать разбежавшееся население, достаточно свидетельствуют о крайней односторонности такого суждения.

Не только экономическая жизнь населения, но и правительственная деятельность князя пускает на рубеже XII и XIII вв. (такие датировки всегда приблизительны: где раньше, где позже) более глубокие корни в старую почву, теснее, плотнее связывается с той или иной частью земли Русской.

С этим изменением в характере княжеской деятельности неразрывно связан ряд изменений в самом характере княжого владения, т. е. древнерусского политического строя. Еще в течение киевского периода — в XI—XII вв. — красной нитью сквозит сложную сеть княжеских усобиц идет борьба между двумя началами: разделением всего Ярославова наследства на ряд отчин-уделов, владений княжеских семей, и стремлением киевских князей избежать распада владений путем поддержки своего старейшинства над остальными князьями земли Русской. Победа начала отчинного владения, окончательный упадок общерусского старейшинства, гегемонии одного старшего князя в союзе князей русских — явление, характеризующее конец киевского периода. Уже в XII в. старое Киевское государство распадается на ряд отдельных земель, вотчин отдельных линий Ярославова рода. Я назвал это окончательным упадком киевского старейшинства. Выражение не точно. Лучше было бы сказать: его распадение, дробление. Дело в том, что теперь каждая земля становится целой политической системой,

разделяясь на целую группу княжений, с княжескими линиями: старшими и младшими, с новыми политическими центрами, со своими сложными и весьма разнообразными междукняжескими отношениями. И тот же процесс дробления шел все дальше, внутри отдельных земель, с ослаблением объединявшего землю значения: главного, старшего, столярного города. «большого княжения», какого-нибудь Чернигова, Владимира Суздальского или Волынского и т. д. И тут, в этом дроблении политической власти, татарское нашествие нанесло последний удар значению и силе местных более сложных организаций, не создав их падения, конечно, но усилил и ускорив его развитие.

В этом процессе дробления русской политической жизни характерная черта — сужение круга интересов князей, сужение их политического кругозора. Их интересы, их деятельность не растекаются вширь по лицу земли Русской, а замыкаются в более тесном кругу местных, так сказать, провинциальных интересов. Князья оседают на уделах, часто очень мелких, и деятельность их ограничивается пределами одной земли, одной области, соседскими отношениями и более интенсивно уходит в работу над устройством и управлением своего удела, принимая все более хозяйственный характер.

Это дробление политической жизни привело, словом, к распаду Ярославова рода на ряд независимых друг от друга княжеских линий, а земли Русской — на ряд обособленных вотчин-уделов, семейных владений княжеских. Положение князя внутри такой вотчины-удела своеобразно. Получив ее по наследству от отца или брата, иногда и в приданое за женой, словом, в порядке частного-правовом, он смотрит на свое княжение, как землевладелец на свою собственность. В самом воззрении этом не много нового. Отчинами своими считали князья то, чем владели их отцы и в киевский период. Но тогда проведение в жизнь подобного воззрения встретило неодолимое препятствие со стороны представления о старейшинстве киевского князя, ограничивавшего отчинную самостоятельность отдельных князей своим притязанием на право распоряжаться всеми силами и средствами земли, и особенно — во власти веча, не признававшего вотчинных княжеских воззрений. Теперь с падением силы и политической роли городов мы видим весьма существенный и любопытный процесс в развитии воззрений на территорию княжества. Состоит он в том, что происходит так называемое окняжение земли, т. е. развивается и укореняется представление о князе как верховном владельце всей земли. Земля, читаем в купчих, «великого князя, а пожни и пахоти и покосы наши».

Это представление о князе как верховном собственнике всей земли — явление давно отмеченное, но мало выясненное в своем происхождении. Историки часто разрубая трудный узел вопроса о его происхождении, говоря, что оно явилось результатом завоевания, например, Литвою русских земель. Но такому объяснению решительно противоречит характер образования Литовского государства, которое нельзя считать, как еще увидим, продуктом завое-

вания. К тому же ведь то же княжение — характерное явление и для Московского государства и для второстепенных княжений, даже тех, что быстро потеряли свою самостоятельность и уж никак не подходят под тип «завоевательной власти».

Корни этого явления приходится искать в новых отношениях княжеской власти к территории княжества и ее населению. Власть княжая берет в свои руки управление колонизацией княжества и развитием хозяйства. Княжая власть дает разрешение на оккупацию порожних земель, на освоение пустырей. Княжое подтверждение документов на владение той или иной землей дает гарантию прочности владению этому, делает его защищенным в праве.

Наконец, князья в заботе о развитии своих военных сил и финансовых средств развивают практику пожалований земель, ненаселенных и населенных, под условиями службы и повинностей, вводят в жизнь понятие неполной, условной собственности, не нарушающей представления о сохранении верховного права собственности на пожалование самого князя. Это последнее усложнение, естественно, вытекало из обычно-правовых понятий средневековья — и нашего и западноевропейского — о юридических последствиях дара: подарок, пожалование никогда не создавало полной, безусловной собственности; по обычно-правовому представлению, известные права на подаренное сохранялись за дарителем, воля которого ограничивала, например, свободу в распоряжении, отчуждении, наследовании дареного имущества, остававшегося в пользовании нового владельца под условием благодарности и иногда весьма определенных услуг.

Не вижу основания выводить эту практику из идеи о князе как владельце всей земли. Скорее сам принцип княжения был осмыслением отношений, создавшихся на практике ¹.

Обуславливая владение землею службой и повинностями (тяглом), княжая власть тем самым кладет основание совершенно новому укладу всего социально-политического быта. Она растет в силе и значении, встречая силу, с которой приходится считаться, силу, ее ограничивающую, только в представителях крупного землевладения церковного и боярского. Политическая сила церковных учреждений, политический вес боярства опираются на ту же основу, из которой, подобно Антею, соприкоснувшись с землею, почерпнула свою новую мощь власть княжая, — на политическое значение землевладения. Это значение землевладения — еще одна крупная и резко выраженная черта характеризуемого периода. Если отмечаемое для него историками права «смешение частного права с государственным» наложило свою печать на склад княжой власти, то оно же придало особую окраску и боярскому землевладению, соединяя его с рядом элементов государственной власти, сказать по-нашему, землевладельца над населением. Княжеское

¹ М. Ф. *Владимирский-Буданов*, Поместья Литовского государства, Киев 1889, и его же «Крестыанское землевладение в западной России до половины XVI в.», Киев 1892 («Чтения в Ист. общ. Нестора-летописца», кн. VII).

правительство не видело на первых порах для себя ущерба в таком дроблении власти, жалую служилым людям доходы государственного характера с населения вместе с обязанностью исполнения связанных с ними публично-правовых функций: ведь это также было формой, притом упрощенной, осуществления организации управления.

Таковы самые общие, элементарные черты переходной эпохи, воспринявшей киевское наследство, его раздробившей, чтобы вести культурно-историческую жизнь и работу далее, перестраивая все отношения на новых основаниях.

Наконец, несколько слов о еще одной существенной общей особенности нашего периода. Наиболее сложный и крайне своеобразный вопрос возникает при попытке составить себе сколь-нибудь определенное представление о национальном его характере.

Общая традиционная схема русской истории построена на различении периодов киевского, владими́ро-суздальского, московского и петербургского. Попытки уложить на прокрустово ложе этой схемы явления южнорусской и западнорусской истории привели только к тому, что к ней приросли в виде эпизодических отступлений очерки истории Галицкого княжества, Литовского великого княжества, западной Руси до времени Хмельницкого.

Украинская историография, особенно в лице М. С. Грушевского, поставила ребром вопрос о единстве русской истории, об историческом единстве русского народа. „История Украины-Руси“ М. С. Грушевского и ее русское популярное изложение „Очерк истории украинского народа“ делают попытку построить исторический процесс, совершившийся в украинской этнографической среде от возникновения Киева как центра политической жизни Поднепровья и до наших дней, как национальную историю украинского народа, противопоставляемую истории Великоруссии как особое законченное в себе целое.

Конечно, такое расчленение русской истории основано прежде всего на том, что русская историческая жизнь протекала в подлежащий нашему изучению период двумя разрозненными руслами. Политические судьбы и культурная жизнь юго-западной и северо-восточной Руси с XIII по XVII в. развиваются независимо друг от друга; их общение — чисто внешнее и может быть без особой натяжки подведено под понятие отношений между различными народностями. Споры на эту тему почти невозможно поставить на почву, точно и четко определенную. Близость, родство украинского и великорусского языков не противоречит признанию двух русских народностей, хотя бы мы твердо стояли на том, что перед нами не два „языка“, а два наречия одного языка. Норвежцев и датчан мы считаем двумя народами, хотя их речь так близка, как два говора одной речи. Голландцы говорят на *plattdeutsch*, как множество коренных немцев в Германии. Хорваты — по языку сербское племя. Не лингвистические свойства речи решают вопрос об особом бытии народности. Да и литературная обработка

украинской речи создает на наших глазах украинский литературный язык, столь чуждый нашему, что чтение «Истории Украины-Руси» Грушевского для русского студента немногим легче, чем для по-яку чтение чешской книги.

Народность — один из великих принципов исторического развития. Национальные особенности и отличия — не мертвый капитал, унаследованный от доисторических предков, а живой процесс культурного творчества, нарастающий в вековом развитии политической деятельности, государственной жизни и культурного прогресса той или иной части человечества. Национальное единство и национальная самобытность как единство и цельность всякой индивидуальности не даются даром. Это продукт вековой исторической работы. И единство русского народа, единство русской культуры стоят перед нами не только как теоретический вопрос, но и как историческая задача. Она создана условиями русской исторической жизни изучаемого нами периода.

ГЛАВА II

РАЗДЕЛЕНИЕ КИЕВСКОЙ РУСИ И ТЕРРИТОРИАЛИЗАЦИЯ ВСЕХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Одной из многих крупных научных заслуг патриарха современной исторической науки ¹ В. О. Ключевского является выяснение понятия удельного периода русской истории, хронологически объемлющего века XIII—XV. Предыдущий и последующий моменты, лежащие в веках XII и XVI, придают этим последним характер «переходных» эпох.

Распалось под влиянием этого научного шага в познании нашей старины расплывчатое представление об «удельно-вечевой» Руси и открылась научная возможность изучения «удельного средневековья» как особого исторического явления. За последнее время это изучение вышло на новые пути благодаря широкому применению сравнительно-исторического метода в трудах Н. П. Павлова-Сильванского ². Стало выясняться основное и существенное тождество социального развития в период нашего, русского, и западноевропейского средневековья.

Но во всей этой конструкции, во всем этом научном движении сохранилась одна своеобразная черта, ставящая новые исторические воззрения В. О. Ключевского и Н. П. Павлова-Сильванского — при всем их различии (В. О. Ключевский противник отождествления социологических основ русского и западноевропейского исторического процессов, на котором настаивает Сильванский) — в связь друг с другом, а также с воззрениями классической школы русской историографии с воззрениями С. М. Соловьева. Разумею представление о тесной связи, какая отмечается между складом удельного быта русского и особенностями народной жизни северо-восточной, суздальской, Руси. В. О. Ключевский посвятил в своем курсе русской истории ряд блестящих страниц изложению тех специальных условий в жизни русского северо-востока, которыми, по его мнению, объясняется возникновение удельного порядка. Порядок

¹ Курс читан в 1909 г., еще при жизни Ключевского, умершего в 1911 г.

² «Закладничество — патронат», «Записки Имп. русск. археол. общ.», т. IX, 1897; «Иммунитет в удельной Руси», «ЖМНПр.», 1900, № 12; «Феодальные отношения в удельной Руси», «ЖМНПр.», 1901, № 6 и 1902, № 1; «Новое объяснение закладничества», там же, 1905, № 6; «Феодализм в древней Руси», Спб. 1907.

этот во всех существенных чертах своих является у Ключевского следствием русской колонизации верхнего Поволжья¹.

Для В. О. Ключевского удельный порядок — одно из специфических явлений не только русской, но, теснее, великорусской исторической жизни. Для Н. П. Павлова-Сильванского — это один из вариантов процесса феодализации всех политических и социальных отношений, который имеет всемирноисторическое, общее значение как процесс, переживавшийся всеми народами на определенной ступени их исторического развития. И тем не менее, в силу общего направления работ Н. П. Павлова-Сильванского, он этот русский удельный феодализм изучает, подобно В. О. Ключевскому, исключительно на великорусском северо-востоке, связывая, например, «начало вотчинного порядка, появление князей-вотчинников, начало землевладельческой оседлости князей и дружин» с именем Андрея Боголюбского, с фактом разорения Киева его войсками в 1169 г., с так называемым «торжеством северо-восточной Руси» над Русью южной, киевской, и повторяет в этом отношении точку зрения С. М. Соловьева и В. О. Ключевского, отождествлявшую понятия удельная Русь и Русь северо-восточная, Русь ростово-суздальская².

Этим, несомненно, сужается, и сужается несправедливо, значение широкого и глубоко ценного воззрения, установленного Н. П. Сильванским на удельный строй. Весь склад отношений «русского феодализма» вырос на почве древнерусской исторической жизни и не мог составлять самобытной особенности лишь северо-восточного угла территории, занятой восточным славянством. Если представление об удельном строе как глубоко важном социологическом явлении, в основе тождественном со строем феодальным, верно, то это общеисторическое явление должно быть общерусским и не менее свойственным Руси юго-западной, чем северо-восточной.

Понятие «удела» вводит нас в некоторое понимание основных черт эпохи, составляющей переход от древнего киевского периода к новым явлениям исторической жизни в XIII—XIV вв. Изменение всей основы экономического быта древней Руси, выдвинувшее на первый план в древнерусском народном хозяйстве усиленную эксплуатацию почвенных и лесных богатств — земледелие и лесные промыслы — при полном упадке торговли и городского быта, привело к тому, что можно назвать территориализацией всех социально-политических отношений. Поземельные отношения стали основой всего социально-политического строя. Землевладение — источник политической и социальной силы. Явление это сказалось в том, что отдельные княжеские семьи оседают на частях Русской земли, осваивая их в свое обособленное владение и овладевая ими крепче не только политически, но и хозяйственно. Княжение обращается в семейную вотчину не только в смысле политического владения по семейно-вотчинному порядку, но и как полная собст-

¹ В. О. Ключевский, Курс русской истории, т. I, лекции XVI—XVIII.

² Н. П. Павлов-Сильванский, Феодализм в древней Руси, Спб. 1907, стр. 36 и сл.